

Никитин Виктор Никитич

**Быт военных арестантов в
крепостях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Никитич Н.**
Быт военных арестантов в крепостях / Никитин Виктор Никитич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 538 с.

ISBN 978-5-519-99640-2

ISBN 978-5-519-99640-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крайній недостатокъ печатныхъ матеріаловъ для правильного изученія русскаго тюремновѣдѣнія *) побудило меня заняться изслѣдованіемъ этого, во всѣхъ отношеніяхъ, важнаго, предмета, съ тѣмъ, чтобы хотя отчасти помочь разъясненію тюремнаго вопроса, занимающаго правительственныя сферы цѣлыхъ 10 лѣтъ сряду. Задавшись этою мыслию, я издалъ, въ 1871 г., книгу *«Жизнь заключенныхъ»*, книгу, въ которой представилъ обзоръ Петербургскихъ тюремъ гражданскаго и морскаго вѣдомствъ и разобралъ всѣ относящіяся до нихъ узаконенія и административныя распоряженія. Благосклонный пріемъ, оказанный моему труду журналистскою и публикою, а главное предоставленная мнѣ возможность подробно ознакомиться съ порядкомъ содержанія арестантовъ въ военно-исправительныхъ ротахъ (за что приношу искреннюю признательность лицамъ, это устроившимъ)—

*) .Сибирь и Каторга. С. В. Максимова, .Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса. М. П. Галепна, трактующаго преимущественно, впрочемъ, объ иностранныхъ тюрьмахъ; .Записки изъ Мертваго Дома. Ф. М. Достоевскаго, да только что появившаяся .Русская Община въ тюрьмѣ и ссылки. Н. М. Ядринцева,—почти и всѣ книги, находящіяся въ обращеніи по тюремному вопросу, въ Россіи.

ности армія наполнится болѣе или менѣе развитыми молодыми солдатами, относительно которыхъ не мало нынѣ дѣйствующихъ узаконеній будутъ слишкомъ суровыми; поэтому не мудрено, если въ началѣ службы нѣкоторые изъ новыхъ солдатъ очутятся въ исправительныхъ ротахъ за нарушенія воинскихъ обязанностей, однѣ изъ которыхъ не ясно формулированы, а другія—противорѣчатъ гражданскимъ правиламъ общежитія. Чтобы предупредить появленіе подобныхъ очистительныхъ жертвъ, случающихся, на первыхъ парахъ, при введеніи почти всякой реформы,—слѣдуетъ заблаговременно подвергнуть пересмотру законы о солдатскихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности; позаботиться о томъ, чтобы уставъ примирялъ будущихъ солдатъ съ неизвѣданною ими жизнію, причемъ онъ могъ бы повліять благотворно и на нравы шибѣшнихъ солдатъ.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, я считалъ своею обязанностью показать, въ книгѣ, погрѣшности, замѣченныя мною въ законахъ и практикѣ ротъ. Излагаемые мною правдивые факты ни коимъ образомъ не должны шокировать военное министерство: находясь въ столицѣ оно, очевидно, не можетъ совершенно вѣрно судить о томъ, какъ прививаются повсюду его благія предначертанія, тѣмъ болѣе, что устройствомъ военно-пенитенціарной части занимались у насъ преимущественно, офицеры, воспитавшіеся въ старыхъ понятіяхъ и державшіеся взглядовъ, не свойственныхъ наступившему времени. Съ ожидающагося замѣною этихъ офицеровъ другими, которые поймутъ цѣль учрежденія ротъ, создають всю пользу гуманнаго обращенія съ арестантами, нравственнаго и умственнаго ихъ развитія—военно-исправительныя роты скоро войдутъ въ надлежащую колею. Военные арестанты, привыкшіе къ дисциплинѣ въ войскахъ несравненно мягче, послушнѣе и легче воспринимаютъ все доброе и полезное

для нихъ, нежели гражданскіе арестанты, которые поступаютъ въ тюрьмы прямо съ *воли*, гдѣ они, въ обыкновенной своей жизни, никому не подчинялись непосредственно.

Въ русской литературѣ доселѣ не появлялось рѣшительно никакихъ изслѣдованій ни о прежнихъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, ни о замѣнившихъ ихъ ротахъ исправительныхъ (всѣхъ 15 въ Россіи), въ которыхъ содержится до 10,000 человѣкъ. Между тѣмъ *невоенная* публика располагаетъ довольно смутными свѣдѣніями о воинскихъ преступленіяхъ, караемыхъ заключеніемъ солдатъ въ исправительныя роты, а также и о нынѣшнемъ (гораздо лучшемъ, нежели прежде) солдатскомъ житьѣ-бытьѣ. Имѣя въ виду, что у многихъ читателей есть въ службѣ родные или знакомые; что солдаты, являющіеся защитниками отечества, достойны, за это всякаго уваженія; что очень близко уже то время, когда всѣ будемъ привлечены къ личному отбыванію воинской повинности, — я полагаю, что публика не отнесется безучастно къ моему труду, который ознакомитъ ее со всѣми сторонами солдатскаго быта вообще и арестантскаго въ особенности.

Въ заключеніе добавлю, что бѣольшая половина книги является въ печати *первое*, а то, что было, недавно, помѣщено въ одномъ изданіи, мѣстами сокращено, измѣнено и дополнено сообразно обстоятельствамъ дѣла.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Правительствующій сенатъ, указомъ 21-го февраля 1834 году, распустивалъ Высочайше утвержденное, по докладу военнаго министра 19-го ноября 1833 г., положеніе объ учрежденіи въ Россіи 43-хъ арестантскихъ ротъ инженернаго военнаго вѣдомства; за симъ, на основаніи воспослѣдовавшихъ, 30-го ноября и 1-го декабря 1837 года, дополнительныхъ узаконеній — число ротъ возрасло до 55. Отерылись онѣ въ Кронштадтѣ, Нарвѣ, Новодвинскѣ, Выборгѣ, Свеаборгѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Динамюндѣ, Новогоріевскѣ, Брестѣ-Литовскѣ, Замостьѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Бендерахъ, Херсонѣ, Фанагоріи, Усть-Лабинскѣ, въ Ставрополѣ, Моздокѣ, Кизлярѣ, Геленджикѣ, Баку, Дербентѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, въ кр. Св. Петра, Омскѣ и въ Усть-Каменогорскѣ. Согласно первоначальному закону, въ роты поступали: а) разнаго рода преступники, назначаемые по Высочайшимъ конфирмаціямъ въ крѣпостную работу, на срокъ, или безсрочно; б) нижніе чины, по приговорамъ, для исправленія поведенія, въ крѣпостную работу на срокъ; в) бродяги и преступники гражданскаго вѣдомства, по назначеніямъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Сущность, во многихъ отношеніяхъ, любопытнаго положенія объ этихъ ротахъ заключается вотъ

въ чемъ. При назначеніи людей въ роты повелѣвалось наблю-
дать, чтобы они не имѣли такого рода тѣлесныхъ недо-
статковъ, кои препятствуютъ поднимать и передвигать тя-
жести и работать инструментами, при крѣпостныхъ работахъ
употребляемыми, а ежели кто, по доставленіи въ роту, ока-
зывался неспособнымъ къ крѣпостной работѣ, — то принад-
лежавшій военному вѣдомству — обращался во внутреннюю
стражу, или въ приказъ общественнаго призрѣнія; а граж-
данскому — обратно въ то мѣсто, откуда былъ доставленъ,
для дальнѣйшаго распоряженія. Арестантскія роты состояли
въ полномъ завѣдываніи крѣпостныхъ комендантовъ, а управ-
лялись плацъ-маіорами, на правахъ баталіонныхъ команди-
ровъ. По употребленію арестантовъ къ крѣпостнымъ рабо-
тамъ и по выбору ихъ въ военно-работчія роты, они нахо-
дились, кромѣ того, въ зависимости инженернаго начальства,
а въ роткахъ дѣлились на разряды: воинскіе чины, присуж-
денные на сроки — составляли *первый разрядъ военно-срочныхъ*;
гражданскіе люди, за бродяжничество и непмѣніе вдовъ, —
второй разрядъ — бродягъ, а гражданскіе преступники и сол-
даты, лишеныя воинскаго званія и приговоренные въ работу
навсегда — *третій разрядъ всегдашнихъ*; срочные же граж-
данскіе арестанты причислялись къ военно-срочнымъ; раз-
мѣщать людей въ казармахъ устанавливалось отдѣльно одинъ
разрядъ отъ другого; самые-же разряды слѣдовало дѣ-
лить на отдѣленія: каменщиковъ, плотниковъ, каменоте-
совъ и т. п.

Жалованья арестантамъ никакого не полагалось, но на
нихъ производились: провіантъ — патурою, деньги на постное
масло, для освѣщенія ночью казармъ, и кормовыя, для улуч-
шенія пищи. Содержать арестантовъ надлежало въ стро-
жайшей воинской дисциплинѣ, въ *наименьшей чистотѣ*, опрят-
ности, брать ихъ слѣдующимъ порядкомъ: бродягамъ, воен-

пымъ и гражданскимъ срочнымъ — полголовы, отъ одного уха до другого, а всегдашнимъ—отъ затылка до лба полголовы, съ лѣвой стороны. Курить арестантамъ табакъ, имѣть трубки, огниво, давать имъ чернила, бумагу, перья, инструменты, деньги—все это строго воспрещалось. Для сбереженія здоровья людей и соблюденія чистоты — ихъ слѣдовало посылать въ баню, не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Холостымъ или вдовцамъ, во все время нахождения ихъ въ ротахъ,—жениться нельзя было; женившіеся же до прибытія въ роты должны были содержаться вмѣстѣ съ прочими, арестантами въ острогахъ, а отнюдь не въ особиыхъ домахъ; женамъ ихъ жить вмѣстѣ съ ними, мужьями, строго восбранялось; тѣмъ не менѣе, малолѣтнихъ дѣтей, прижитыхъ арестантами, во время нахождения ихъ въ ротахъ, съ законными женами, по минованіи имъ 6-ти лѣтъ отъ роду, устанавливалось отсылать: мальчиковъ — въ каптонысты, а дѣвочекъ—въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Для отвращенія арестантовъ отъ побѣговъ, состоявшіе во всегдашнихъ, въ, безъ изъятія, заковывались въ кандалы; срочные-же военныя и гражданскіе, а равно бродяги освобождались отъ оковъ, но вслучаѣ побѣги арестанта изъ какого-либо отдѣленія спихъ разрядовъ—всѣхъ, состоявшихъ въ томъ отдѣленіи, тотчасъ повелѣвалось заковать въ кандалы, потому что „они одни за другихъ должны отвѣтствовать“. Совершившіе въ ротахъ преступленія, содержались также въ кандалахъ, каковыя снимались съ бродягъ и срочныхъ, закованныхъ по вышеизъясненнымъ причинамъ, а также со всегдашнихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-инспектора ппженеропъ, по представленіямъ о томъ комендантовъ, въ видѣ поощренія за исправленіе поведенія. При высылкѣ арестантовъ на крѣпостную работу отнюдь не позволялось удерживать такихъ, которые знаютъ мастерства, а

изъ слабыхъ дозволялось освобождать тѣхъ только, которые, по болѣзни, дѣйствительно не могли работать на ряду съ прочими. Конвойные не имѣли права: ни вести арестантовъ для естественныхъ нуждъ, безъ позволенія на то дежурнаго унтеръ-офицера; ни входить съ ними въ разговоры, и за малѣйшее отъ сего отступленіе — они строго *наказывались* предъ всѣми конвойными, начальствомъ ротъ; въ случаѣ замѣченнаго умысла арестантовъ къ побѣгу — конвойные должны были стрѣлать въ спасавшихся бѣгствомъ, или отваживавшихся угрожать имъ, нападая на нихъ; на тотъ-же предметъ и на случай явнаго мятежа арестантовъ, унтеръ-офицерамъ ротъ приказывалось имѣть тесаки *заостренными*. При работахъ, на которыхъ нельзя было работать скованнымъ на обѣ ноги, — позволялось *снимать жельзо съ одной ноги*, но къ такимъ работамъ допускались преимущественно срочные, да такіе, которые по поведенію благонадежныѣ другихъ.

Наистрожайше запрещалось употреблять арестантовъ на другія какія-либо работы, *кромя казенныхъ*; за лѣность и нерадѣніе къ работамъ предписывалось *наказывать арестантовъ на мѣсть-же, по усмотрѣнію* наблюдавшаго за работами начальника, а мѣра наказанія не должна была превосходить того, сколько нужно, для побужденія *нерадиваго къ прилежной работѣ*, и не выше, впрочемъ, 50 ударовъ унтеръ-офицерскою «тростью». Въ воскресные и высокаторжественные дни, внесенные въ число табельныхъ для присутственныхъ мѣстъ, арестанты освобождались отъ крѣпостныхъ работъ, исключая, однакожь, экстренныхъ случаевъ, когда отъ ихъ бездѣйствія, могли, напримѣръ, произойти: вредъ строеніямъ, ущербъ казнѣ, или остановка въ сообщеніяхъ; но и въ свободное отъ работъ время ихъ слѣдовало «*обучать стойкѣ и маршировкѣ*», не требуя отъ нихъ

того совершенства, какъ отъ солдатъ». Люди, содержавшіеся въ кандалахъ, должны были оставаться въ оныхъ и по отправленіи въ госпитали, за болѣзнію, причемъ освобождались отъ кандаловъ лишь тяжело больные, и то не иначе какъ во 1-хъ, до поправленія, а во 2-хъ, по усмотрѣнію старшихъ врачей, и съ разрѣшенія комендантовъ.

Въ военно-рабочіи роты выбирались тѣ изъ военно-срочныхъ и знавшихъ мастерства арестантовъ, которымъ срокъ нахожденія въ крѣпостной работѣ исполнился, и они *во все* продолженіе онаго вели себя хорошо, да считались благонадежными къ службѣ. Военно-срочныхъ арестантовъ, которые въ продолженіи опредѣленныхъ имъ сроковъ не подавали надежды быть полезными на службѣ, — оставляли въ ротахъ впредь до надлежащаго ихъ исправленія; гражданскихъ-же арестантовъ, по окончаніи срока, опредѣлялось отсылать въ губернскія правленія, изъ которыхъ они были присланы въ крѣпость. Всегдашніе арестанты, по пробытіи 10 лѣтъ въ ротѣ, буде оказывались, въ продолженіи всего времени, хорошаго поведенія, переводились въ военно-срочные, а по прожитіи одобрительно въ военно-срочныхъ 5 лѣтъ опредѣлялись, на общихъ правилахъ, въ военно-рабочіи роты, гдѣ должны были отслужить еще *пятнадцать* лѣтъ, и ужъ только послѣ того получали отставку. Арестанты, оказавшіеся добраго поведенія, но по освидѣтельствованіи неспособные къ выбору на службу, — оставлялись въ срочныхъ еще на 10 лѣтъ, по истеченіи коихъ, при благонадежности, — передавались въ гражданское вѣдомство, а неисправившіеся въ поведеніи оставались въ ротахъ до тѣхъ поръ, пока дѣлались совершенно неспособными къ крѣпостнымъ работамъ, и не могли никуда выбывать, развѣ только по суду, въ каторгу, въ случаѣ сдѣланныхъ ими вновь преступленій, или по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; воен-

по-срочные-же и поступившіе въ этотъ разрядъ изъ всегдашнихъ на 5 лѣтъ, ежели до истеченія срока оказывались къ работѣ совершенно неспособными, по слабости, хлостн, или увѣчью, — обращались на службу, какую нести могли. Срочныхъ военныхъ арестантовъ, становившихся неспособными ни къ работамъ, ни къ какой-либо службѣ по увѣчьямъ, требовавшимъ особенной для нихъ прислуги, помѣщали въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія.

Неспособностію арестантовъ къ работѣ почиталось: неизлечимый припадокъ, или поврежденіе, препятствовавшее работать инструментами, при крѣпостныхъ работахъ употребляемыми, поднимать и передвигать тяжести; видная слабость сложенія и старость лѣтъ, несовмѣстная съ тяжелыми работами. Срочные гражданскіе арестанты, принешедшіе въ неспособность къ крѣпостнымъ работамъ до окончанія опредѣленнаго срока, отправлялись въ тѣ мѣста, откуда были присланы, для возвращенія въ первобытное званіе; ежели же общества, или помѣщики отказывались взять ихъ къ себѣ, — отсылались въ Сибирь на поселеніе а всегдашнихъ, пришедшихъ въ неспособность по слабости, дряхлости, увѣчью, по удостовѣреніи въ совершенной ихъ неспособности, — помѣщали въ особыя, для сего существовавшія, крѣпостныхъ богадѣльняхъ, и содержались тамъ на одинаковомъ основаніи съ арестантами, способными къ работѣ, т. е. снабжались тою же пищею и одеждою, управлялись вышеизложенными правилами, и занимались такими работами, какія производили преступники, содержащіеся въ гражданскихъ тюрьмахъ, подъ присмотромъ караула. Изъ неспособныхъ къ работамъ всегдашнихъ арестантовъ, дозволялось расковывать на обѣ ноги лишь тѣхъ, которые считались безопасными отъ побѣга, т. е. весьма преклонныхъ лѣтъ, дряхлыхъ калекъ и т. п., прочіе-же и въ богадѣльняхъ